

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ «СОБЫТИЕ С ЗАДАННОЙ ОЦЕНКОЙ» (В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ)

© 2012 Е.В.Трощенко

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья поступила в редакцию 29.09.2011

Описываемые в статье результаты интеррогативного психолингвистического эксперимента – это часть более обширного исследования влияния социокультурного знания на коммуникацию в Интернет дискуссиях читателей статей американской прессы. Эксперимент позволяет получить комплексную модель знания о положительно/отрицательно оцениваемых событиях в американском социуме и уделить особое внимание ценностно-оценочному компоненту. Такая модель в дальнейшем может служить основой для объяснения используемых аргументативных и манипулятивных коммуникативных стратегий при вербальном описании событий. Описываемый тип социокультурных ментальных структур рассматривается как динамический когнитивный гештальт, потенциально разложимый на параметры, но несводимый к их сумме, характеризующийся как индивидуальным существованием в сознании отдельного носителя языка, так и распределенным в некотором социокультурном сообществе существованием в виде абстрактного социального инварианта. В статье демонстрируется преимущество психолингвистического подхода к моделированию фрагментов фоновых знаний по сравнению с использованием исключительно интроспективного анализа текстового материала, так как он позволяет методологически разделить исследование ментальных структур и конкретных случаев языковой коммуникации, протекающей на их основе, и дает возможность избежать порочного круга исследования коммуникативных стратегий, используемых в тексте, с опорой исключительно на структуры, смоделированные на той же текстовой основе.

Ключевые слова: ментальная репрезентация, событие, социокультурное знание, интеррогативный психолингвистический эксперимент, оценка, ценности

¹ *Событие как схемная ментальная репрезентация.* Исследование схемных ментальных репрезентаций имеет уже значительную историю в когнитивной лингвистике и близких к ней дисциплинах. Начиная с фреймов М.Минского¹, схем Дж. Мандлер² и сценариев Р.Шенка и Р.Абельсона³ – моделей, которые создавались во многом с ориентацией на решение задач создания искусственного интеллекта – с использованием разных терминов для их обозначения и рассматриваемые под разным углом зрения схемные теории репрезентации получили существенное развитие в разных областях когнитивного направления.

Литература, посвященная исследованию вопроса о том, каким образом в сознании человека

отражаются, фиксируются, развиваются представления о рутинных событиях и как эти знания в дальнейшем используются в деятельности, крайне обширна. Обозначим здесь лишь некоторые опорные работы, которые, на наш взгляд, могут дать хорошее представление об исследованиях, посвященных данной проблематике. Исследования фреймов – с различным пониманием данного термина – получили развитие в социологии, во многом в связи с работами И.Гофмана⁴, в лингвистике благодаря трудам Ч.Филлмора⁵. Под названием «событие» сходные структуры знания о стандартных моделях поведения в определенной ситуации исследовались в психологии⁶, лингвистике⁷. Достаточно общий термин «схема», особенно специфицированный до «культурной схемы» активно исполь-

¹ *Трощенко Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии.*

E-mail: kathlyntn@gmail.com

¹ *Minsky M.A* Framework for Representing Knowledge. MIT-AI Laboratory Memo 306. June, 1974. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://web.media.mit.edu/~minsky/papers/Frames/frames.html> (Дата обращения 23.07.2011).

² *Mandler G.* Mind and body: Psychology of Emotion and Stress. New York: Norton, 1984.

³ *Schank R.C., Abelson R.P.* Scripts, Plans, Goals, and Understanding: an Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Ass., 1977; *Schank R.C.* Dynamic Memory. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

⁴ *Goffman E.* Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Boston: Northeastern University Press, 1986.

⁵ *Fillmore Ch. J.* Frame Semantics and the Nature of Language // Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. 1976. Vol. 280. – P. 20 – 32.

⁶ *Nelson K.* Event knowledge: Structure and Function in Development. L.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1986. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://ethnopsychologu.narod.ru/libr/N-eng/Nelson-event.htm> (10.07.2011)

⁷ *Шабес В.Я.* Событие и текст. – М.: 1989.

зуется в антропологии⁸, определенное сходство в подходе можно найти также у А.Вежбицкой⁹. Некоторые проблемы, связанные с изучением ментальных репрезентаций данного типа, рассматривались нами¹⁰, также крайне интересный и важный для настоящего исследования обзор и представление о схемах как типе культурных концептуализаций можно найти в работе Ф.Шарифиана¹¹.

В работе В.Я.Шабеса, на методике интеррогативного психолингвистического эксперимента которого основывается проведенное нами исследование, «событие» определяется как «отраженная в сознании *цельная динамическая* [курсив наш – ЕТ] система взаимосвязанных общих и существенных параметров (признаков) некоторого однородного класса сцен, основными содержательными признаками которой являются «деятель» и «действие», рассматриваемые как «двуединство»¹².

Со сходных позиций «событие» определяется и в исследовании К.Нельсон как базовая форма ментальной репрезентации, представляющая собой *целостную* структуру, имеющую *динамическую* природу развивающуюся во времени [курсив наш – ЕТ]. Важными ее характеристиками являются следующие: 1) формирование на основе опыта встреч с отдельными эпизодами (соотносимо с трактовкой понятия «сцена» у В.Я.Шабеса, в отличие от понимания «сцены» в концепции Р.Шенка и Р.Абельсона) – термины «эпизод» и «событие» соотносятся друг с другом как знак и тип; 2) иерархическая структура и разложимость на объекты и отношения как компоненты события; 3) неизменное присутствие социальной и культурной составляющей¹³.

К.Нельсон ограничивает понимание события не любым изменением, а лишь теми изменениями, которые сопряжены с целенаправленной деятельностью людей, их оперированием объектами и взаимодействиями ради достижения не-

которого результата¹⁴. Такое узкое понимание соотносимо с идеей выделения социальных фреймов у И.Гофмана как ментальных структур, которые обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность, в противопоставлении природным фреймам, определяющим события как ненаправленные, бесцельные, неодоушевленные, неуправляемые.

Признавая значимость подобного разделения, мы, тем не менее, склонны использовать термин «событие» расширительно, применяя его и в отношении ментальных структур, касающихся знания о неуправляемых и не целенаправленных событиях типа стихийных бедствий, поскольку, как нам кажется, принцип их формирования и функционирования, в сущности, остается тем же. Кроме того, при попытке безусловного разделения событий на целенаправленные и не целенаправленные, мы неизбежно столкнемся с пограничными случаями или случаями, зависящими от конкретных установок наблюдателя. Так масштабные события типа войны или революции, например, можно рассматривать и как неуправляемый результат сложения многих факторов и как нечто сознательно движимое интересами, целями и планами участвующих сторон.

Говоря о «событии» в нашей работе, мы рассматриваем его как тип ментальной репрезентации, представляющий собой когнитивный гештальт, потенциально разложимый на отдельные параметры, но не сводимый к их сумме¹⁵. Он формируется (и это постоянно продолжающийся, динамический процесс) в индивидуальном сознании на базе накопления и обобщения опыта наблюдения / непосредственного участия / встречи с вербальным описанием и т.д. сходных сцен. Динамическая природа события раскрывается также и с точки зрения его участия в построении новых ментальных репрезентаций на основании оперирования уже имеющимися при помощи различных когнитивных операций.

Однако одновременно событие обладает и индивидуальным существованием репрезентации, распределенной в некотором социокультурном сообществе. В этом качестве абстрактный инвариант некоего события есть следствие существования и взаимодействия индивидуальных ментальных репрезентаций отдельных членов данного социокультурного сообщества. При этом данный инвариант сохраняет динамическую природу [Ср.¹⁶] в том смысле, что он, будучи

⁸ D'Andrade R. The Development of Cognitive Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995

⁹ Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: 2001.

¹⁰ Троценкова Е.В. Роль континуально-дискретного восприятия действительности в формировании событийных ментальных репрезентаций. (Гл. XI) // Перцепция. Рефлексия. Язык. – СПб: 2010. – С. 212 – 235.

¹¹ Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language. Theoretical Framework and Applications. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011.

¹² Шабес В.Я. Событие и текст.... – С. 16.

¹³ Nelson K. Event knowledge: Structure and Function in Development. L.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1986. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://ethnopsychologu.narod.ru/libr/N-eng/Nelson-event.htm> – P. 3 – 4, 12 (10.07.2011).

¹⁴ Nelson K. Event knowledge: Structure and Function in Development..... – P. 11....

¹⁵ Троценкова Е.В. Роль континуально-дискретного восприятия действительности – С. 233.

¹⁶ Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language. Theoretical Framework and..... – P. 5 – 6.

зависим от изменений индивидуальных ментальных репрезентаций, находится в постоянном становлении и может с разной степенью полноты и достоверности разделяться теми или иными представителями данной группы¹⁷. Идея распределенного знания, не остающегося в рамках изолированного индивидуального сознания, но зависящего от взаимодействия, будь то взаимодействие организма со средой¹⁸, человека и инструментального окружения, артефактов¹⁹, феномена совместного внимания при взаимодействии людей между собой²⁰ в последнее время становится все более актуальной и, как нам кажется, может быть использована для подтверждения продуктивности психолингвистического подхода к исследованию ментальных репрезентаций, поскольку он позволяет одновременно учитывать как вариативность индивидуальных репрезентаций, так и, на основе статистических обобщений, моделировать их социокультурные инварианты. При этом в дальнейшем анализе конкретных ситуаций взаимодействия людей, например при дискурсивном анализе отдельных актов вербальной коммуникации, можно принимать во внимание и использовать информацию обоих типов.

2. *Социокультурный аспект события и методология его изучения.* Существенным, на наш взгляд, моментом в изучении событийных ментальных репрезентаций является то, что такое распределенное существование в социокультурной среде делает социокультурные аспекты этих структур знания одним из ключевых аспектов их формирования, существования и функционирования. Очевидно, что сам факт выделения некоторого события из непрерывного потока изменений действительности уже есть признание его социальной значимости. Набор компонентов события, например, представления о его участниках и отношениях между ними, знания о ценностной основе, регулирующей происходящее и позволяющей отнести к событию тем или

иным образом, и многое другое оказываются обусловленными существующими общественными отношениями и представлениями о том, что приемлемо в данной ситуации. Если принять определение «культуры» как субъективной стороны знания, способа и технологии деятельности²¹, то в сущности события как ментальные репрезентации – это важный элемент культуры.

Представление о том, что человеческий язык, будучи одним из продуктов культуры, осуществляет своего рода «внешнюю репрезентацию знания»²² чрезвычайно распространено и активно используется в этнолингвистических исследованиях и когнитивной лингвистике. По словам Ф.Шарифиана, «языки – свидетели того, как их носители концептуализировали опыт на протяжении всей истории своего существования»²³. Однако, в сущности, его роль далеко выходит за рамки простого отражения, регистрации имеющегося социокультурного знания. Язык как один из мощнейших способов символизации позволяет собственно конструировать сами эти онтологически субъективные социокультурные феномены²⁴ в специфически человеческой форме. Таким образом, эффективное изучение процессов коммуникации не может происходить без отчетливого понимания механизмов взаимодействия ментальных и языковых структур. Тем не менее, использование языка как ключа к пониманию и описанию элементов культуры, требует, на наш взгляд, некоторых оговорок. Мы согласимся с идеей, что «методологически, любое исследование языка и культурных концептуализаций требует отдельного описания обеих систем с последующим поиском корреляций между ними»²⁵. Нам представляется, что зачастую в существующей когнитивной лингвистике используется чересчур прямолинейный подход, при котором текст используется для моделирования знания, которое затем используется для объяснения са-

¹⁷ Трощенкова Е.В. Вариативность значения и психолингвистический подход в изучении социокультурных ментальных репрезентаций // Лингвистические чтения – 2011. Цикл 7. Материалы международной конференции. – Пермь: 2011. – С. 53 – 58; Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language. Theoretical Framework and.... – P. 7.

¹⁸ Губсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. – М.: 1988.

¹⁹ Clark A., Chalmers D.J. The Extended Mind // Analysis. 1998. № 58. P. 10-23. Reprinted in The Philosopher's Annual. [ed. by P. Grim]. 1998. Vol. XXI. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://consc.net/papers/extended.html> (23.07.2011); Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

²⁰ Tomasello M. The Cultural Origins of Human Cognition. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.

²¹ Мамардашвили М.К. Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований. – М.: 1982. – С. 41, 45; сходную интерпретацию также можно найти: Goodenough W.H. Cultural Anthropology and Linguistics // Language in Culture and Society: a Reader in Linguistics and Anthropology. [Ed. by D. Hell Harper and Row, Publishers]. New York, Evanston, and London, 1964. – P. 36.

²² Nelson K. Event knowledge: Structure and Function in Development. L.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1986. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://ethnopsychologu.narod.ru/libr/N-eng/Nelson-event.htm> – P. 10. (10.07.2011)

²³ Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language. Theoretical Framework and.... – P. 47.

²⁴ Searle J.R. The Construction of Social Reality. N.Y.: The Free Press, 1995.

²⁵ Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language. Theoretical Framework and.... P. 47.

мого текста. Общий недостаток подобного подхода, создающего замкнутый круг для исследователя, очевиден и часто вызывает резкую критику, вплоть до сомнений в состоятельности когнитивного направления как такового. Более подробно о вызываемых таким подходом проблемах говорится нашей статье²⁶. Сходные позиции занимает В.Я.Шабес, отмечая необходимость развития «экспериментальной когнитивной психолингвистики»: в устном докладе²⁷ делается вывод о том, что «если объектом исследования лингвиста является текст и собственная интроспекция, то объектом психолингвистики выступает говорящий, думающий и знающий субъект, принадлежащий к некоторому социуму, точнее, – репрезентативная совокупность таких субъектов. Эти информанты могут не только воспринимать и порождать тексты и реализовывать иные другие вербальные и невербальные реакции (Это представляло интерес на ранних этапах развития психолингвистики для описания процессов и этапов порождения речи). Поскольку информанты это не только HomoDicens, но и HomoSapiensSapiens, они могут эксплицировать в различных множественных внешних вербальных репрезентациях собственные знания и их структуры».

Попробуем очертить основную идею опоры на психолингвистические эксперименты при моделировании фрагментов фоновых знаний носителей языка, которые в дальнейшем могут быть использованы для анализа и объяснения текстов, порождаемых в ходе коммуникации. Она состоит в том, что язык в данном случае применяется в ином статусе – как инструмент контролируемого влияния на носителей языка и социокультурного знания с тем, чтобы они могли активизировать метакогнитивный уровень мышления и через саморефлексию представить исследователю информацию об индивидуальных ментальных структурах. Массовость эксперимента и его статистическая обработка позволяют, ограничив субъективное влияние исследователя на материал, объективизировать отдельные ментальные структуры, содержащиеся в индивидуальных сознаниях, и прийти к модели того распределенного инварианта знания, который может в дальнейшем быть использован в ходе дискурсивного анализа.

²⁶ Троценкова Е.В. Вариативность значения и психолингвистический подход в изучении социокультурных ментальных репрезентаций // Лингвистические чтения – 2011. Цикл 7. Материалы международной конференции. – Пермь: 2011. – С. 53 – 58.

²⁷ Шабес В.Я. О роли психолингвистики в когнитивных исследованиях. Доклад на Международной научно-практической конференции «Язык и речь в междисциплинарном пространстве». Санкт-Петербург, ФИНАК, 12.05.2011.

Описываемый в настоящей статье эксперимент является частью более широкого исследования влияния социокультурного знания на коммуникацию в Интернет среде – он-лайн дискуссиях читателей по поводу статей в американской прессе. При планировании нашего эксперимента мы исходили из того, что на основе такого важного компонента ментальных репрезентации как ценности проводится оценка происходящего, которую следует рассматривать как важный компонент событийной структуры. Мы, как правило, не остаемся равнодушными к тому, что происходит и, с другой стороны, именно то, к чему мы не остаемся равнодушными, более всего и привлекает внимание. Поэтому в изучении обобщенных событийных ментальных структур нас интересовали, прежде всего, место и роль ценностно-оценочного компонента.

3. *Задачи и условия проведения интеррогативного психолингвистического эксперимента «событие с заданной оценкой».* За основу нашего исследования мы взяли интеррогативный эксперимент на событие высокой степени генерализованности, описанный в работе В.Я.Шабеса²⁸. Методика вопроса, в отличие от методики произвольного описания события или пересказа текста о событии, использовавшейся в исследованиях К.Нельсон, позволяет, как нам кажется, более экологически валидным образом проникнуть в ментальные структуры респондентов и получить более полную и детальную картину. Для человека, который хочет получить недостающую информацию о произошедшем, вопрос – логичный и естественный путь ее получения. Сам вопрос одновременно показывает, какая информация отсутствует, и свидетельствует – поскольку человек знает, о чем нужно спросить – о тех ментальных структурах, которые требуют заполнения конкретной информацией. Таким образом, корпус вопросов, заданных группой респондентов в ответ на стимул, обозначающий некоторое событие, может рассматриваться как косвенная вербализация структуры соответствующей ментальной репрезентации. Трансформация стимула позволяет сфокусировать внимание респондентов на тех или иных аспектах события, интересующих исследователя, или изучать ментальные структуры событий разной степени обобщенности.

В нашем случае респонденты – носители английского языка, американцы (51 человек, из них мужчин – 18, женщин – 33) получали в качестве стимула высказывание, актуализирующее знание высокой степени обобщенности о поступках человека. При этом в стимуле, также в максимально обобщенном виде, задавалась оценка

²⁸ Шабес В.Я. Событие и текст....

данного поступка. Респондентам предлагалось задать все вопросы, которые они считают нужным задать, чтобы выяснить для себя детали произошедшего. В эксперименте использовалось два стимульных высказывания – на событие с положительной и отрицательной оценкой. Время выполнения задания не ограничивалось. Полученная респондентами инструкция выглядела следующим образом:

Imagine that you hear the following statement «WHAT (S)HE DID WAS RIGHT (GOOD)» and your task is to find out as much as possible about the event by asking any questions that, you think, may help you to get all the necessary information. Write down these questions below in any order. The number of questions is not limited. Аналогичная инструкция предлагалась к стимулу - «WHAT (S)HE DID WAS WRONG (BAD)». (далее Событие⁺, Событие⁻).

В качестве основных задач проводимого эксперимента мы видим следующее: 1) Изучить то, каким образом заданная оценка влияет на активацию ментальных событийных структур у американцев; 2) Сравнить ментальные структуры, соответствующие положительно и отрицательно оцениваемым событиям; 3) Детально исследовать вопросы, связанные с ценностно-оценочным компонентом события; 4) Обратить внимание на проблему внутрикультурного варьирования ментальных репрезентаций события у разных носителей языка, рассмотрев ее на основе сравнения гендерных особенностей событийных структур.

Гендер в данном случае рассматривается как пример социокультурной подгруппы внутри большего сообщества.

4. *Анализ результатов эксперимента.* В результате проведенного эксперимента в ответ на стимул события с положительной оценкой было получено 314 (110 муж.; 204 жен.) вопросов-реакций, на событие с отрицательной оценкой – 302 (118 муж.; 184 жен.), т.е. в среднем респонденты, независимо от пола, задавали по 5 – 7 вопросов на каждый из стимулов.

Полученные вопросы были классифицированы нами в соответствии с различными параметрами события. Рассмотрим сначала общую структуру события, связанную с его развитием во времени от подготовительной фазы через собственно само происшествие до наступивших результатов и последствий. Пользуясь терминологией В.Я.Шабеса, мы будем говорить в данном случае о триаде Пресобытие – Эндособытие – Постсобытие. Следует, разумеется, оговориться, что поскольку в действительности речь идет о континууме, непрерывном изменении от начальной до конечной стадии подобное разделение условно, хотя и обладает психологической реальностью. В таб. 1 приводятся примеры реакций каждой группы и процентное отношение вопросов о каждой из стадий события к общему количеству полученных реакций.

Таб. 1. Экзоструктура события

	Событие ⁺			Событие ⁻			Примеры заданных вопросов
	Male %	Female %	Both %	Male %	Female %	Both %	
Пресобытие	14,55	13,24	13,69	15,25	12,5	13,58	Why did (s)he do it/this/that? What was the situation? What were the circumstances leading up to the event? What made her think to do that? Did she know it was wrong beforehand? Did she know that wasn't supposed to be done? и т.д.
Эндособытие	70,9	74,01	72,93	69,5	75	72,84	What did (s)he do? What was done? How did (s)he do it? How long did (s)he take to do it? What did other people involved in the event do or not do? и т.д.
Постсобытие	14,55	12,75	13,38	15,25	12,5	13,58	What was the outcome? What was the result of the action? What happened after s / he did it? What were the consequences of his / her actions? и т.д.

Из таб.1. видно, что Эндособытие в обоих случаях остается центром внимания, более 70% вопросов касается деталей произошедшего. Пресобытие и Постсобытие интересуют респондентов в равной степени, при этом сравнение результатов полученных на оба стимула показывает, что существует незначительная, но устойчивая тенденция у респондентов мужского пола больше интересоваться этими компонентами события. Иными словами, данная социокультурная подгруппа обычно больше внимания обращает на причины, мотивы и цели поступка, равно как и

на его следствия, причем они оказываются более значимы в случае с событием, получающим отрицательную оценку.

Рассматривая вопросы относительно Эндособытия, можно сказать, что основными его структурными компонентами являются Участники (Событие⁺ 30,25% вопросов; Событие⁻36,42%); Содержание поступка (Событие⁺ 17,9%; Событие⁻ 14,57%); Место (Событие⁺4,14%; Событие⁻ 2,98%); Способ совершения действия (Событие⁺ 2,55%; Событие⁻2,65%) и Время (Событие⁺2,87%; Событие⁻1,66%).

Остальные группы вопросов об Эндособытии немногочисленны, но весьма интересны с содержательной точки зрения, так как они свидетельствуют о таких параметрах события, которые могут влиять на его оценку. Респондентов интересует: 1) намеренность / случайность совершения действия (намеренно совершенный положительный поступок, очевидно, представляет большую ценность, а случайный проступок может оцениваться более снисходительно); 2) самостоятельность / несамостоятельность в принятии решений (в том числе добровольность / вынужденность совершения поступка); 3) единичность / регулярность выполнения подобных действий (Вопросы типа *Is it an isolated fact or chronic?* свидетельствуют о том, что этот фактор может восприниматься как смягчающее или отягчающее обстоятельство); 4) то, насколько легко / тяжело было выполнить действие (Во-

просы *Was it a difficult choice? What hindrances may have influenced?* свидетельствуют, например, в случае События⁺ о факторах потенциально повышающих степень положительности поступка).

Видно, что из компонентов Эндособытия в нашем эксперименте наибольшее количество вариантов вопросов (свыше 30% от всех заданных) задавалось относительно участников события. Тот факт, что именно участники получают такое детальное внимание при стимуле, содержащем оценку, представляется нам неслучайным. В дальнейшем мы увидим, что именно многие из вопросов об участниках эксплицитно содержат отсылку к ценностно-оценочному аспекту события. Заданная в стимуле оценка как бы смещает внимание с неодушевленных элементов события на субъектов, принадлежащих к различным группам (Таб. 2).

Таб. 2. Участники события

Тип участника	Событие ⁺ %			Событие ⁻ %		
	Male	Female	Both	Male	Female	Both
Непосредственные участники события:						
<i>Агенси</i> (Who did it? Who is (s)he? Who is this person? Who was it? Is this person a friend or family member? Who was involved? Who else was involved? Who were the parties? и т.д.)	6,36	8,82	7,96	6,78	8,15	7,62
<i>Коагенси</i> (With who did she do it? Who assisted the person to do what was right/good? Did she do it with the help of anyone? Did she have help? и т.д.)	1,82	2,45	2,23	0,85	1,63	1,32
<i>Адресат</i> (Who do her actions affect? Did anyone benefit from this person's actions? To whom did (s)he do it? Who did he do it to? Who did it harm? и т.д.)	5,45	4,41	4,78	7,63	11,41	9,93
<i>Свидетель</i> (Who was there? Who saw it? Were there other people there? How did people feel about the decision? Did anyone see her? Did anyone see this happen? и т.д.)	2,73	2,45	2,55	2,54	0,54	1,32
Участники коммуникативного события по поводу произошедшего:						
<i>Свидетель-репортер</i> (Were you there? Why do you feel it was good? How could you have acted differently? Would you change anything? Why do you say/think it was good/right? Why did you see it that way? Why do you consider it good? и т.д.)	9,09	6,87	7,64	11,02	8,69	9,6
<i>Респондент</i> (What would I have done? Why do I need to know this information? Should I care? What should we do about it?)	0	0,98	0,64	0	2,14	1,32
<i>Референтная группа значимых других</i> (According to whom it is right/wrong? Does everyone agree it was right/wrong? Would everyone agree that it's good/bad? Does a majority agree it was right? By whose standards is it right? For whom was it right? "Right" by whose definition? Would another person do it? What might others think of what she did? Why do people see it as bad? и т.д.)	2,73	5,39	4,46	2,54	7,07	5,29

Как видно из приведенной таблицы, вопросы об участниках распадаются на две большие группы – респондентов интересуют не только непосредственные участники стимульного события, но и отношение к произошедшему окружающих их самих людей и та позиция, которую они сами должны занять по отношению к событию. Таким образом, наличие в стимуле оценки приводит к тому, что помимо собственно фокус-

ного события в сознании активизируется более сложная структура знаний, связывающая отдельное событие с широким социокультурным контекстом. Если сравнить общий процент вопросов, заданных относительно непосредственных участников события, с вопросами об участниках коммуникативного события о происшествии (Событие⁺ 17,52%/12,74%; Событие⁻ 20,19%/16,21%), обнаруживается, что доля по-

следних лишь менее чем в 1,5 раза ниже, чем у вопросов первой группы. Иными словами, внешний социокультурный контекст – мнение окружения респондента по поводу событий данного типа, его собственная позиция и позиция второго лица, «излагающего новость» о событии – оказываются крайне значимыми.

Если говорить про гендерный аспект распределения вопросов, любопытно, что в обоих типах события мужчины больше ориентированы на собеседника и интересуются мнением репортера, в то время как женщины, напротив, больше спрашивают о мнении широкой референтной группы и только у них появляется небольшое количество вопросов, о том, какая позиция ожидается от них самих.

Интересно также сопоставление содержания вопросов об агенте и адресате в Событии⁺ и Событии⁻. В вопросах на Событие⁻ появляется большее количество уточняющих вопросов о личности совершившего отрицательно оцениваемый поступок (*Is he poor? Is he sick? Is he unstable? What kind of person is she? How old is this person? Is this out of character for this person?*), ответ на которые может, очевидно, усугублять/смягчать оценку произведенных действий, в то время как положительные действия больше ожидаются по умолчанию. Адресат в вопросах на Событие⁺ часто специфицируется до бенефицианта (*Who benefited? Who did it help?*), а в Событии⁻ до потерпевшего (*Did she offend someone? Who was hurt?*), при этом присутствуют единичные вопросы, например, *Who did it harm?* на Событие⁺ и наоборот, свидетельствующие о наличии в ментальных структурах

респондентов опции двойкой оценки одного и того же события в зависимости от того, по отношению к кому оно оценивается. В целом, заметно, что количество вопросов о том, на кого было направлено действие в два раза выше в случае с Событием⁻. Еще один существенный, также связанный с ценностно-оценочным компонентом принцип, по которому можно выделить группу вопросов – это идея альтернативного хода события. Речь идет о вопросах типа:

- 1) Альтернатива действию у агенса (*What were her options? What could she have done different? Did she have any other options? How can he do it differently to make it right? How could he have acted differently? What should have been done differently? What were their choices? What could they have done to make it right? What would have happened if she did not do it?* и т.п.);
- 2) Альтернатива действию у третьих лиц в подобной ситуации (*How could you have acted differently? What would you have done? What would I have done? Would you change anything? Would another person do it? How might others have responded to the same/similar situation?* и т.п.);
- 3) Альтернатива в оценке события (*How might someone misconstrue it as bad? Would everyone agree that it's bad?*).

В процентном отношении количество альтернативных вопросов представлено в таб.3.

Таб. 3. Альтернативный ход события

Событие ⁺ %			Событие ⁻ %		
Male	Female	Both	Male	Female	Both
2,73	6,86	5,41	4,24	8,15	6,62

Таб. 4. Ценностно-оценочный компонент события

Примеры вопросов	Событие ⁺ %			Событие ⁻ %		
	Male	Female	Both	Male	Female	Both
А) ОБЪЕКТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ОЦЕНКИ						
<i>Why was it right/wrong? What makes it good? How will what she did change the people around in a positive way? Did it help anyone? Did she do something brave? Was it right for this situation or for anytime? Did she get in trouble? Did it hurt anyone else? Did she offend someone? Did she do something illegal? Did she do something immoral?</i> и т.д.	10	9,8	9,87	11,02	11,41	11,26
В) СУБЪЕКТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ОЦЕНКИ						
<i>Why do you say it was good/bad? Why do you think it is good/bad? By whose standards is it right/wrong? For whom was it right? "Right" by whose definition? According to whom it is right? Why do people see it as bad?</i> и т.д.	4,55	5,39	5,1	4,24	7,07	5,96
С) СТЕПЕНЬ СОГЛАСИЯ В ОЦЕНКЕ СИТУАЦИИ						
<i>Does everyone agree it was right/wrong? Would everyone agree that it's good/bad? Does a majority agree it was right? Did others feel the choice was right/good?</i> и т.д.	0,91	1,47	1,27	0,85	1,09	0,99
Д) АДРЕСАТ (бенефициант/пострадавший) *только вопросы об адресате эксплицитно содержащие оценку						
<i>Was it good for her/others? Who did it help? Who benefited (from what was considered good/right)? Who does it offend?</i>	1,82	2,94	2,55	1,69	1,63	1,66

<i>Who was hurt? Who did it harm?</i> и т.д.						
Е) ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ НА СОБЫТИЕ (награда/наказание)						
<i>Will she be acknowledged for doing this? Was she rewarded? Did this person get recognized for their good deed? Did she get punished? Did she have to go to jail?</i> и т.д.	0,91	0,98	0,96	0	2,72	1,66
F) ОПЦИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ ОЦЕНКИ СИТУАЦИИ						
Событие ⁺ : <i>Were there any negative effects? How might someone misconstrue it as bad? Who did it harm?</i> Событие ⁻ : <i>Did any good come from this action? How might someone misconstrue it as good? In whose view would it be good? Who did it help? Can life be changed in a positive way by what she has learned?</i> и т.д.	0,91	0,98	0,96	2,54	2,17	2,32
G1) СТЕПЕНЬ НЕГАТИВНОСТИ/ВОЗМОЖНОЕ ОПРАВДАНИЕ* только в Событии ^Г						
<i>How bad was it? Is it really so wrong? Did (s)he regret it? Has (s)he repented of it? Is he poor? Was she aware her actions were considered "wrong"? Did she know it was wrong beforehand? Can it be explained or excused?</i> и т.д.	---	---	---	6,78	1,63	3,64
G2) АГЕНС *только вопросы об агенте эксплицитно содержащие оценку, в Событии ⁺						
<i>Was she aware her actions were seen as "right"? Does she usually do things like that? Does she usually do what's right?</i>	0	1,47	0,96	---	---	---
% вопросов, содержащих эксплицитную отсылку к ценностно-оценочному компоненту от общего кол-ва реакций	19,09	23,04	21,66	27,12	27,72	27,48

Как видно из представленных данных, интерес к альтернативе несколько выше в случае с Событием, причем респонденты-женщины задают вопросы такого рода в 2 – 2,5 раза чаще мужчин. Все вопросы, так или иначе связанные с ценностно-оценочным компонентом события, были объединены нами в группу, представленную в таб. 4, и классифицированы в несколько содержательных подгрупп. Как видно из приведенных данных, вопросы, эксплицитно затрагивающие ценностно-оценочный компонент события, занимают существенную долю от всех вопросов относительно произошедшего, причем в случае События^Г этот интерес несколько выше. Респондентов главным образом интересуют объективные основания данной событию оценки, которые позволяют приписать ему некий конкретный статус позитивно / негативно оцениваемого социумом события и соответствующим образом его классифицировать: например, как «помощь другим», «храбрый поступок», «преступление» и т.п. Конкретизирующие вопросы внутри данной подгруппы указывают на события меньшей степени обобщенности, включаемые в данное. Несколько реже у респондентов возникает интерес к субъективным основаниям оценки, касающимся конкретной точки отсчета в определении позитивного / негативного ценностного статуса события. Вопросы этой подгруппы и подгруппы-С связаны с метакогнитивной репрезентацией ситуации, они свидетельствуют об осознанном контроле оценки и репрезентаций других субъектов. Сравнение этих подгрупп в гендерном отношении позволяет отметить, что при сравнительно равном внимании к объективным основаниям оценки, в подгруппах – В / С видна слабая тенденция к большему вниманию у женщин к этим аспектам ситуации. В отношении

других подгрупп интересно, что если вопросы о наказании в эксперименте задавались исключительно женщинами, мужчины в четыре раза чаще интересуются действительной степенью вины и возможными оправданиями отрицательно оцениваемых действий.

Поскольку в когнитивной психологии в последние годы все больше признается важность учета эмоциональных явлений при построении когнитивных моделей, а эмоции признаются необходимым элементом когнитивного функционирования²⁹, следует также упомянуть группу вопросов, связанных с эмоциональным аспектом события, полученную в эксперименте. Данный компонент в обоих случаях оказался небольшим (Событие⁺ 3,82%; Событие⁻ 1,99%), однако набор вопросов достаточно разнообразен. Информантов интересуют эмоциональный отклик на событие как у агенса (*How does she feel about what she did?*), так и у других участников события (*How did people feel about the decision?*), включая участников коммуникативного события по поводу данного (*How did it make you feel?*). Таким образом, можно предположить, что эмоциональный компонент так или иначе необходимо присутствует в событийных ментальных структурах и сопровождает оценку действий участников. Интересно, что при примерно равном в процентном отношении количестве вопросов, касающихся эмоционального аспекта в целом, задаваемых мужчинами и женщинами, вопросы относительно эмоционального состояния именно агенса значительно чаще задавались женщинами.

²⁹ *Когнитивная психология: Учебник для студентов высших учебных заведений / Под. ред. В.Н.Дружинина, Д.В.Ушакова. – М.: 2002. – С. 333 – 344.*

Выводы. Заданная вербально оценка ситуации актуализирует в сознании носителей языка и культуры комплексную ментальную структуру события, которая представляет собой сочетание знаний о компонентах собственно произошедшего со знаниями о коммуникативном событии по поводу данного. Ценностно-оценочный компонент оказывается своего рода связующим звеном между двумя событиями, объединяя их в сложное целое. При этом он помещает отдельное происшествие в контекст знаний общей социокультурной рамки – представлений о общественно принятых действиях, допустимом и недопустимом, социальных поощрениях и санкциях, следующих за действием, параметрах, влияющих на степень положительности / отрицательности оценки и т.д.

Анализ результатов эксперимента, позволяет говорить как об общих тенденциях относительно того, что в большей или меньшей степени оказывается в фокусе внимания американских респондентов в целом, так и о групповых особенностях имеющихся у них ментальных структур. Поскольку данные ментальные структуры лежат в основе, в числе прочего, порождения и понимания текстовых описаний событий и, шире, вербальной коммуникации по поводу происходящего / произошедшего, можно предположить, что описанные особенности окажутся значимыми для используемых коммуникантами дискурсивных стратегий. Таким образом, нам представляется, что данные проведенного нами психолингвистического эксперимента могут служить основой для продуктивного их изучения.

PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT «EVENT WITH EVALUATION» (IN AMERICAN CULTURE)

© 2012 E.V.Troshchenkova^o

St. Petersburg State University

The results of the interrogative psycholinguistic experiment described in this article is a part of a broader research of how sociocultural knowledge influences communication in the Internet discussions by readers of American press. The experiment allows obtaining a complex model of positively / negatively evaluated events in the American society, paying special attention to the value-evaluation component. This model can further be a basis for explanation of the communicative strategies of argumentation and manipulation used in a verbal description of events. The type of sociocultural mental structures described in the article is viewed as a dynamic cognitive gestalt that can be potentially split into a number of parameters, but is not reducible to their sum, which is characterized by both individual existence in the mind of a native speaker and distributed existence in a sociocultural community as an abstract social invariant. The article discusses the advantages of psycholinguistic approach to modeling the fragments of this background knowledge compared to using exclusively introspective text analysis, as it allows to separate methodologically the research of mental structures and particular instances of verbal communication that are based on those structures and gives an opportunity to avoid the vicious circle of studying communicative strategies used in the text exclusively modeled from the same text material.

Key words: mental representation, event, sociocultural knowledge, interrogative psycholinguistic experiment, evaluation, values.

^o Ekaterina Vladimirovna Troshchenkova, Cand. Sc. in Philology, Associate professor of the department of English Philology and Cultural Linguistics. e-mail: kathlyntr@gmail.com